

«Золотая карета». Тимоша Непряхин — В. БОРИСОВ, Березка — Н. КУЗЬМИН.

ЧУДО КРАСОТЫ ДУШЕВНОЙ

ГАСТРОЛИ. Куйбышевского драматического театра всегда становятся значительным событием жизни столицы. В памяти зрителей недолго запечатываются спектакли, ярко выражющие творческое лицо коллектива: современная советская пьеса, драматургия Гольского — театр никогда не забывает, что им на посту! — одно из произведений мировой классики.

В строгой каноничности построения репертуара театра тоже свою закономерность: театр берет самые трудные, требующие глубокого философского осмысливания произведения — драмы Л. Леонова, не только пьесы, но и прозу Гольского, трагедии Шекспира. Это дает возможность во всей поданной показать богатую актерскую индивидуальностью труппу. Таково главное направление, это же отнюдь не означает, что театру чужды сочная бытовая комедия или веселый мюзикл, камерная психологическая драма или спектакль-рассказ.

Свой неожиданный приезд в Москву театр предлагает зрителям девять названий, восемь из которых — постановки главного режиссера и руководителя театра П. Монастырского, возглавляющего коллекцию без малого двадцати лет (лишь одна постановка — «Старомодная комедия» А. Арубоза — работы режиссера М. Карпушкина).

Среди этих названий есть такие, которые являются показунами, самыми репертуарными для истекшего сезона, как, например, «Протокол одного за- седания» А. Гельмана. И это свидетельствует о том, что театр не проходит мимо наиболее актуальных, жгучих проблем современности. А рядом название, пока значащееся только на куйбышевской афише, «Моя дочь Ниша» — рассказ Ю. Яковлевы, поставленный и сыгранный как литературный концерт в исполнении актеров-четверок и одновременно как спектакль, где те же актеры уже не рассказывают, а переслаиваются в своих персонажах.

«Моя дочь Ниша» ни по своему масштабам, ни по своему публическому наряду, казалось бы, не принадлежит к числу главных работ театра. Тем не менее разговор о гастролях куйбышевских гостей и позволю себе начать именно с него.

Жила-была на свете девушка Ниша (Н. Родзинская). Училась в институте, любила отца (С. Пономарев), дочку, чужую и центральную свою (Элеонору (В. Ершова), заменившую ей умершую мать. И вдруг словно ураган налетел, закрутился, унес Нишу в мир иной. Осталась одна Любовь, счастливая и несчастная, забросила ее на край света, подарила ей дочь Антошку, привела в мир супергероя Таня и прокричала Ниша остаток своей короткой и яркой жизни и скорела я вспышкой лавины, подрывая науки ценных откры-

тия. Но еще более ценным даром оставила после себя Ниша Антошку, на дне наяла воду и стала ее источником, из которого возвращающиеся теперь под отчий кирпичи. Составленный называл Антошку дядя. И действительно, искренне и честно. Романтично, а также наивно, целиком и полностью что распустившиеся под лучами утреннего солнца. Еще поддается уголовная и уж по-женски романтическая, но тоже поэтическая, порывистая и неподготовленная эта Антошка принесла в дом деда и келодунный максимализм своего отца, честолюбивую чистоту пространства, сердца, Неполокобимых, верит Антошку, как когда-то верила Ниша, что любить надо только хорошо, а не плохо, а не злоне, а не злому, как монстры. В геронической смерти матери, при всем ее трагизме, нет для Антошки ничего страшного, кроме вынужденной, и опять-таки потому, что она, и опять-таки потому, что она, поступила бы точно так же. Едва приехав в деду Антошку умела говорить в том замечательном университете и вернувшись туда, где дышит грудь вулкана, где встали люди, с которыми прошла сама она до конца жизни — Ниша.

Принципиальная значимость спектакля «Моя дочь Ниша» в том пропытливой форме утверждения активного, действенного добра само существование которого уже есть сила, ставящая надежные преграды жестокости, злобе, себялюбии, приспособленчеству, авантюризму. А образ Антошки, какой сыграла ее Романтина, становится своего рода эпиграфом к режиссерскому прочтению П. Монастырского репертуара куйбышевского театра.

Эту же родниковую чистоту несет в «Золотой карете» П. Леонова слепой солдат Тимоша Непряхина, сыгранный В. Борисовым счастью и цельно; этой чистотой наполнен и наивный добрый тульский умелец Левий тоже в исполнении В. Борисова из одиночного мюзикла; она есть и в надежном, прочном бригадире Потапове из спектакля «Протокол одного заседания», хоть по возрасту Потапов (С. Надеждин) выглядит немножко старше своего верного «оруженосца» Толи Жаркова (С. Кашинский), улыбчивого, неподдавшегося, смешливого парнишки. И даже там, где, казалось бы, давно угасли, медленно истлев, все добрые человеческие чувства — в купеческой семье Зыковых,

— в спектакле куйбышевского театра неожиданно вспыхнул трепетный светлый огонек — девочки Степка (В. Яковская), состоявшая в служении у Софьи, — маленький, ласковый комочек человеческого тепла.

Этическими образами куйбышевского театра зовет нас в будущее, говорит о людях, живущих на пределе духовных и физических сил, думающих о более общем, а не лично маленьком благополучии, о людях, чьи нравственные идеалы мосты, перекинутые из сегодня в день завтрашний.

Свой разговор об этих героях театр начинает с «Золотой кареты» Л. Леонова. Режиссер словно бы разлагает рамки

пьесы, в уже не маленький городок, полуразрушенный войной, а большой мир, весь в строительных лесах (художник И. Мендикович), становится фокусом для тех, кому выпало трудное счастье восстанавливать искаженные войной судьбы и души. И первая среди них — внутренне затянутая, как струна, внешне сдержанная, неутомимая в работе, красавая, интelligентная Марья Сергеева (В. Ершова). Рядом с ней простоватый на вид, совсем неказистый, в потрепанном старом ватнике из кирзовых сапог Павел Непряхин (Н. Михеев), человек души тонкой и отзывчивой. До самого сердца опалила война и оттого сделала особо чутким к жаркому горю и нетерпимым к неправедливости полковника Березкина (Н. Кузьмин). А со старшинами вдруг в ноги и совсем молодые: юная, трепетная Марья (М.

ми девочки-царицы Клеопатры («Цезарь и Клеопатра» Б. Шоу), и краснорожий богатырь Громов, зорко оберегающий свою dochь Машку от посягательств немуциего Левши («Левша», пьеса В. Константинова и Б. Рацера по Н. Лескову). В «Золотой карете» В. Салопов — подтянутый, будто застегнутый на все пуговицы, художественный ученик Корея, а в «Протоколе одного заседания» — агрессивный демагог-краснобай в должности начальника плавдока отдела, а в «Левше» — старенящий наряд-простак, взбалмошный, с присурью, с гонором, весь как-то нервяшливый, неухоженный, захолустный, и уже совсем исожизнан в том же спектакле еще одна роль — английская королева, Жеманя, кипризная, томная, в не- мыслимом туалете, серебряных туфельках на высоких каблу-

ках. И оказывается, что именно эта острыя характеристика играется В. Салоповым с изысканным блеском, вдохновением, мастерством.

Зрелая актриса представила Л. Альбикьян в роли властной, коварной, эгоистичной Клеопатры, даже минуты радости и веселая сохранившей что-то зменное в выражении миловидного лица. И, как всегда, неожиданно оказалась занятая почтой во всех спектаклях Е. Ершова, то по-юношески легкая и стремительная в тече Зое, то зловеще-уродливая душой и теме Флэттата, нянька Клопаты, и Мария Сергеева, и королева Гертруда в «Гамлете». С. Боголюбова и А. Дербина, М. Лазарев и Е. Григорьев, Н. Кузьмин и А. Бибис, С. Надеждин и О. Тарасов все они составляют прекрасное целое, которое зовется группой куйбышевского театра.

А вот что касается режиссур, то здесь ощущается нехватка очередных режиссеров. Беспарно, это хорошо, когда главный режиссер ставит так много спектаклей. Но разве не зинграл бы театр, если бы работали в нем художники с разными, но, разумеется, равно яркими творческими позициями?

В прошлый приезд театр показал широкое эпическое полотно — «Материнский поле» Ч. Айтматова, где превосходные актерские работы центральных героев дополняли отлично поставленные массовые сцены. Сегодня, к сожалению, на афише театра нет спектакля, равного по масштабам «Материнскому полю». Это тоже потеря, о которой можно сожалеть. Перед театром стоит много творческих задач, и нет времени почивать на лаврах. Чем талантливее художники или коллективы художников, тем большего ждет от него зрителя.

Наталья БАЛАШОВА

«Зыковы». Антипа Зыков — Н. МИХЕЕВ, Шохин — И. МОРОЗОВ.

Фото Э. ВРАГИНА